

5 ФЕВРАЛЯ
1929 г.
ВТОРНИК
№ 29 (1541)

Цена № 5 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Вещерная доска

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

„Любит не любит“. — О писателе большого сердца. — „Этого никогда не сотрешь“. — Критика молчит. — Вагонный писатель. — Кое-что о враче Гвалтере.

Случайно попали три книги на письменный стол.

Случайно прочитал одну за другой.

А выводы — общие. Выводы о судьбе книг, о судьбе писателей.

Как-то скучно писать о кризисе нашей критики, о том, как не умеет она «травить негодное», растить нужное.

Как эклектична, как классово анемична наша библиография. Слово инстинкта гадает: любит — не любит. И любить не умеет и ненавидеть.

Конечно, не вся критика, конечно, не все критики!

О ФРОНТЕ В ТЫЛУ

В В ГИЗ'е вышла книга А. Серафимовича — «Революция, фронт и тыл». Эта книга — книга писателя большого сердца, с четким классовым чутьем.

Книга не только о фронте гражданской войны. Книга о фронте в тылу, о фронте, где схватились в жестокой схватке два класса и как два жернова перемолотили старую «народолюбивую» интеллигенцию.

Две статьи в сборнике заставляют задуматься, подсказывают аналогии для сегодняшнего дня, по новому освещают писательские настроения.

Одна — «В капле», другая — «Братья-писатели». — Обе статьи об одном — как травили А. С. Серафимовича, за то, что посмел нарушить запрет работы с большевиками, за то, что нарушил табу либерально-буржуазной интеллигенции.

Литературно-художественный кружок (Бунины, Чириков и К.) исключил из своей среды писателя Серафимовича за то, что «посмел» он взять на себя редактирование литературно-художественного отдела «Известий», а братья-писатели из «Книгоиздательства писателей» вырезали за этот же «проступок» рассказ Серафимовича из сборника «Слово» — заявив: «мы не пустили в наш сборник «Слово» Сергея Городецкого с его стихами, потому что он воспевал в этих стихах и служил царю Николаю II. Теперь мы выбрашиваем из этого сборника Серафимовича за то, что он работает в «Известиях».

И Серафимович четко выжигает на лбу у «братьев-писателей» — их лозунг: «Служить Николаю II и служить делу рабочих и крестьян — одно и то же.

Этого никогда ничем не сотрешь». (стр. 78).

Где они сейчас эти рыцари либеральной мысли и заячьего беспристрастия?

КНИГУ В МАССЫ

В книге Серафимовича много страниц и о подлинном фронте — о тех, кто делал дело социальной революции. При чем героям, дела Красной армии даны не батальными картинками, до которых охочи были буржуазные корреспонденты («биржевики» и «русского слова», а показом быта, реальных фигур, того коллектива, где не было отдельных героев, а делалось великое дело нечеловеческой напряженности и классовой воли к победе.

Книга Серафимовича должна стать в один ряд с фурмановским «Мятежом», с фадеевским — «Разгромом» — на полки наших библиотек.

И молодежь, в особенности, должна читать эту книгу, от которой идут радиоволны бодрости и веры класса, идущего к социализму.

Мы опасаемся лишь одного, чтобы наша критика журнальная и газетная не замолчала этой книги.

ВАГОННЫЕ РАССКАЗЫ

Ведь так много писали (гораздо больше, чем о Серафимовиче, о котором погорно мало пишут!) — о Дм. Четверикове. О его «Любани» и «Заиграй овражки» — написали все журналы. Спорили о «новых этапах» и «сдвигах» — и проглядели главное.

Не настоящий это писатель!

Подделка, имитация, плохая копия. И даже копия с копии...

В конце 28 года — «Прибой» выпустил «Солнечные рассказы» Д. Четверикова. И начистившись, с какой писатель третий или четвертый раз перепечатывает свои старые рассказы, и тематика рассказов, и форма, и «философия» автора — все говорит о том, что яря мы мало пишем о равноднностях писателя вагонного. О пролетарских писателях пишем (мало!), о «попутчиках» — левых и правых пишем (много!), а вот о «вагонных» писателях, о тех, что создают чтиво не пишем (а нужно писать!).

Кадры этих писателей уже многочисленны. Ткани нашей литературы начинают набухать испорченной, отработанной кровью.

Возрождается Ю. Слезкин (см. его трилогию — в ЗИФ, «Предгрязе»), дисквалифицируется Евдокимов («Чистые пруды»). Растут Островеры («Лечебница Рикарди»), Ларские («Женщина на перепутье»). Издаются собрания сочинений К. Большакова, Гумилевского, Р. Ивнева и др.

Это не случайность, это социальное явление. Не случайны и «Солнечные рассказы» Д. Четверикова. Больше всего о курортах и курортных встречах и все «проблемно» и все «современно». А итог — итог: пустота, побрякушки — все мимо!

Жанр — не скучный, но жанр серых штампов и истертой монеты. Хуже всего, когда автор начинает «философствовать». Здесь он проваливается в пошлятину. «Трудно провести грань между насилием и преодолением естественного сопротивления женщины. Где преступление и где предолженная стыдливость, кокетство и инстинкт, заставляющий вечную игру особей разного пола «в убегающей» (стр. 252).

Нельзя всевозь брать эту «философскую» чубаровщину.

Автор только «пугает», только кокетничает, он не такой, да и рассказ, из которого взята цитата, кончается мажорно — «Нюрка больше прежнего работает (после насилия). Растет».

Но бесхребетность и щебетание — так характерны для авторов «чтива». Не примет ли всерьез наша критика «Солнечные рассказы»?

Ведь нашлись критики (в «Новом Мире»), которые Вагновскую апологетику богемы приняли за «новый жанр идеологического романа»!

ВРАЧ ГВАЛТЕР

И еще два слова. Об услужливых... друзьях. В изд. «Academia» — под ред. Зильберштейна вышли — «Несобранные рассказы» А. Чехова. Книга представляет некоторый литературно-бытовой интерес. Но нужно ли было сейчас перепечатывать такое дурно пахнущее остроумие, которого сам А. Чехов несомненно бы устыдился.

«Заявление зубного врача Гвалтера».

До сведения моего досло, что мои пациенты принимают недавно прибывшего зубного врада Гвалтера за меня; а потому имею честь известить, что я живу в Моисла и прошу моих начитенных не смешивать меня с Гвалтером. Не он Гвалтер, а я—Гвалтер. Вставаю зубод, продаю содиненный мною толченый мел для пикси зубов и имею самую большую вывеску. Вижиты делаю с б-ым галстухом.

Зубной врач при змернице
Вияклера Гвалтер (стр. 70).

Можно было, без ущерба «для потомства», не перепечатывать и руссотяско-го остроумия о «малороссиянах» (стр. 190) и о Герате (стр. 244).

Ведь книжка рассчитана — на библиотеку!

СЕРГЕЙ РЫЛЬСКИЙ.